

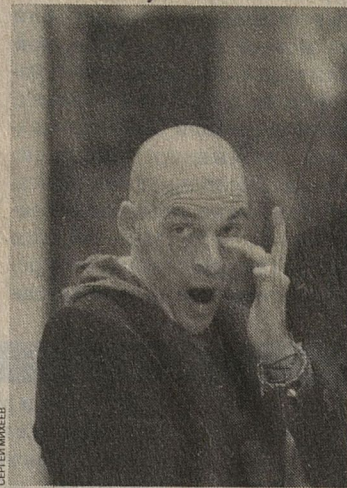
Антонио Маррас: я хотел бы одевать Майю Плисецкую

Космическая - 2005 - 26 нояб. - с. 9.

мода дизайн

На десятилетие московского бутика Kenzo в Москву приехал креативный директор дома итальянский дизайнер Антонио Маррас. С АНТОНИО МАРРАСОМ встретила ОЛЬГА МИХАЙЛОВСКАЯ.

Антонио Маррас известен и любим как один из самых романтических дизайнеров мира. Человек, который каждое шоу превращает в спектакль, красивый и трогательный до слез. Дизайнер, которого упрекают в том, что его одежда слишком романтична и слишком театральна, и тем не менее носят с наслаждением. Домосед, который вопреки всем процессам глобализации живет на Сардинии и не собирается переезжать ни в Париж, ни в Милан. Антонио Маррас возглавил Kenzo два года назад, и с тех пор ситуация в доме изменилась к лучшему. Маррас и в самом деле идеальный выбор для Kenzo. Его богемность и любовь к цветам, его романтизм и ностальгия по прошлому — все это оказалось уместно в рамках дома, который существует с семидесятых годов и который когда-то стал живой прививкой экзотики европейской моде. Кроме всего прочего Антонио Маррас еще и один из самых обаятельных дизайнеров. Бритоголовый красавец всегда приветлив и всегда с удовольствием ведет беседу. Пока

мы с ним разговаривали, он делал наброски в своем блокноте, растушевывая на бумаге кофе, как акварельную краску.

— Вы уже четыре сезона делаете коллекции для Kenzo. В чем для вас отличие между собственными коллекциями и коллекциями для Kenzo?

— Это как бы две стороны моей натуры. Свою любовь к мелодраматизму и ностальгии я воплощаю в собственных коллекциях. А Kenzo — это в первую очередь яркий цвет, экзотика и радость жизни. Вот эта жизнерадостная часть меня и включается, когда я придумываю коллекции Kenzo.

— Kenzo — всегда некое путешествие: то Африка, то Англия, то Вьетнам. Вы отправ-

ляетесь в путешествие перед тем, как приняться за коллекцию?

— Непременно отправляюсь. Только не перед, а после. Я сначала придумываю, куда бы мне хотелось «отправиться», и представляю, как все это должно выглядеть. Потом делаю коллекцию. Самое смешное, когда я потом попадаю в эту страну, оказывается, что я недалеко ушел от истины. Вот для последней коллекции я придумал некий свой Вьетнам, и он очень даже похож на мою выдумку.

— Сам Kenzo всегда считался самым европейским из всех японских дизайнеров, а вы считаете себя самым восточным из всех европейских. И вот теперь, когда вы делаете коллекции под его именем, как вы ощущаете эту связь Восток—Запад?

— Понимаете, когда Kenzo тогда в семидесятые приехал в Париж, его, японца, наверняка поразило совершенство форм и элегантность европейского костюма, он внес в него экзотику восточных красок и орнаментов. А я всегда восхищался японским плоскостным кроем (в это время он быстро набирает в альбоме кимоно. — „Ъ“), который совсем не похож на европейский. А теперь я пытаюсь все это соединить — его любованье европейским костюмом и мое восхищение Востоком.

— Вы помните, когда вы впервые в жизни услышали это имя — Kenzo или увидели его вещи?

— Отлично помню. Это было свадебное платье моей тетки. Изумительной красоты. Тогда я был еще ребенком. А потом помню, как впервые увидел его витрину в Милане, такую яркую, цветную. Это я уже был взрослым, мне было лет двадцать.

— Ваши коллекции, и собственные, и для Kenzo, всегда обращены в прошлое. Считаете ли вы, как другие дизайнеры, что в моде все уже сделано и ничего нового изобрести невозможно. И вообще, когда в моде произошли последние революционные перемены? Многие считают, что в шестидесятые годы.

— Нет, позже. После шестидесятых в моде была еще одна революция — ее совершила Рэй Кавакубо в восьмидесятые годы. Именно она перевернула наши представления о моде и даже о костюме в целом. Она повлияла на всех, буквально на всех. Ее влияние огромно. И потом была еще одна женщина, которая заставила мир мыслить по-своему, уже в девяностые, это, конечно, Миучча Прада.

— Смешно, что именно Миучча Прада говорила мне, что после шестидесятых в моде уже ничего не произошло и

не произойдет. Могут меняться лишь пропорции и стиль.

— Да нет, конечно. Она сама поменяла отношение к одежде в принципе. Так что именно она последняя революционерка.

— А куда вообще мода движется, как по-вашему?

— Вообще не знаю, я знаю только, куда движется моя мода. В сторону индивидуальности. Сейчас в мире вполне достаточно одежды неплохого качества и дизайна, так что недостаток скорее в отсутствии в этих вещах души. Это именно то, что я пытаюсь делать — немного вещей очень индивидуальных с большим количеством ручной работы.

— Кого из звезд вы считаете образцом стиля и есть ли такие вообще?

— Образцом стиля никого не считаю, зато точно знаю, что хотел бы одевать Шарлотту Рэмплинг. А теперь еще и Майю Плисецкую.

— Я понимаю, что этот вопрос вам задают все журналисты, но почему вы все-таки живете на Сардинии и не переезжаете ни в Милан, ни в Париж?

— Отвечаю — потому, что там мой дом, на первом этаже которого моя мастерская, потому, что там ходят в школу мои дети, наконец, потому, что там другой запах, который я чувствую в тот момент, как выхожу из самолета. Ну и потому, что мне уже не двадцать лет.

26.11.05

Маррас (дизайнер)